

НАУЧНЫЙ АКТИВИЗМ И ИДЕЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ

Столярова Ольга

Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

В статье анализируются парадоксы научного активизма с точки зрения концепции перформативности. Показывается, что противоречие между незаинтересованным познанием мира и заинтересованным действием в обществе связано с традиционным пониманием знания как обоснованного убеждения. Обсуждается перформативная концепция науки, которая получает распространение в STS и приходит на смену стандартной концепции науки. Показывается, что при рассмотрении науки как практики парадоксы научного активизма пересматриваются, потому что снимается жесткая граница между знанием и действием, наукой и ценностями.

Ключевые слова: научный активизм, общественная политика, перформативность, практика, знание, стандартная концепция науки, общественное благо.

SCIENTIFIC ACTIVISM AND THE IDEA OF PERFORMATIVITY

Olga E. Stoliarova – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgastoliarova@gmail.com

The author analyzes the paradoxes of scientific activism from the standpoint of the concept of performativity. The author shows that the contradiction between the disinterested knowledge of the world and the interested action in society is generated by the traditional understanding of knowledge as a justified belief. The author discusses the so called performative conception of science, which gains many adherents in STS and replaces the standard concept of science. It is shown that when studying science as practice, the paradoxes of scientific activism are revised, because the rigid boundary between knowledge and action, science and values is removed.

Keywords: scientific activism, public policy, performativity, practice, knowledge, standard conception of science, public good

А.Ю. Антоновский и Р.Э. Бараш поднимают очень актуальную тему взаимоотношения науки и общественной политики. Эта тема многократно исследовалась современными авторами, и, в особенности, теми, кто принадлежит к кругу STS (science and technology studies) [Kasavin, 2015; Aronovitz, 1988; Ben-David, 1991; Clemens, Cook, 1999; Fischer, 2000; Frickel, Moore, 2006; Hoffman, 1989; Kleinman, 2000; Star, 1996]. Александр Юрьевич и Раиса Эдуардовна избирают собственную перспективу. Они делают предметом размышлений не только внешние отношения науки и политики, но и сами институциональные и ценностные структуры, оформляющие науку и обществен-

ную политику, и анализируют то, как эти структуры проникают друг в друга и какие социальные и эпистемологические последствия влечет за собой это проникновение.

Подход Антоновского и Бараш может быть обозначен как системно-структурный. Авторы сталкивают друг с другом науку и общество, утверждая, что попытки ученых навязать остальным стандарты коммуникации, принятые в научном сообществе, приводят к теоретическим парадоксам, которые, однако, разрешаются практически. Действительно, современные реалии жизни научного сообщества (и не только в России) таковы, что ученые вовлечены в общественную политику. Причем вовлечены не только извне, выступая поставщиками знания о реальности, которая используется для обоснования властных амбиций тех или иных политических сил (которые ранее апеллировали к Богу, а теперь к устройству мироздания), но и изнутри собственного сообщества. Если для Платона философы (они же ученые) являлись прежде всего носителями знания об идеальном государстве и играли охранительную роль «стражей идеального», если для Лондонского королевского общества связь науки и политики дискредитировала науку [Kasavin, 2015, p. 533], то сегодня мы видим, что ученые все чаще покидают «башню из слоновой кости», чтобы озвучить и реализовать намерения практического субъекта, человека действия, а не созерцания.

Политический активизм ученых, направленный вовне, за пределы научного сообщества, действительно, приводит к парадоксам, которые Антоновский и Бараш убедительно вскрывают. Если автономия и авторитет науки основаны на созерцательном характере научного метода, который отделяет «людей знания» от «людей действия», то попытка науки выйти за собственные пределы в область теоретической и практической политики означает либо разрушение этой автономии, либо ее конкуренцию со столь же автономными, санкционированными традицией, внеучными общественными институтами и дискурсами.

Антоновский и Бараш связывают этот парадокс научного активизма с парадоксальным устройством самого научного этоса, который, с одной стороны, основан на требовании «организованного скептицизма» (Р. Мертон), или фальсификационизма (К. Поппер), а с другой, – на объективности, всеобщности и необходимости (универсальности) научного метода и полученных посредством этого метода теоретических результатов. Иными словами, с одной стороны, наукой управляет скептицизм, а с другой – абсолютизм и фундаментализм. И в том, и в другом случае научные коммуникативные принципы не могут служить общественному согласию, потому что идут в разрез с нормами и идеалами общественного согласия, с идеалами либерализма. Авторы видят практический выход из данных парадоксов в

реальных примерах научного активизма (протестного движения ученых в современной России), который одновременно концентрируется «вокруг стандартных научных тем», стилизуется «под общезначимые переживания объективной реальности», выражая «когнитивную установку», и представляет собой политическую активность, или «сцепление реальных действий», т. е. «выражает нормативную установку» (Антоновский, Бараш).

Выбранные авторами эмпирические примеры разрешения парадоксов научного активизма, конечно, показывают то, как ученые пытаются «сидеть на двух стульях», т. е. оставаться незаинтересованными наблюдателями реальности и выступать за восстановление (или изменение) нарушенных общественных норм. Но примеры не объясняют, почему это все же оказывается возможным. С моей точки зрения, данные примеры могут быть дополнены более общими рассуждениями относительно современного научного активизма, которые, возможно, отчасти объяснят его успех. Успех его состоит не в том, что ученые приобретают какие-либо конкретные политические выгоды и добиваются желаемого (например, увеличения государственного финансирования), а в том, что бенефициарами научного активизма становятся одновременно и ученые, и обычные граждане.

Я думаю, что парадоксы научного этоса во многом определяются положениями так называемой стандартной концепции науки, которая, в свою очередь, строится на представлении о знании как об обоснованном (верифицируемом) убеждении. Это представление о знании ориентировано прежде всего на пропозициональное знание, на знание фактов. Даже фальсификационизм Поппера строится на знании фактов, которые в качестве контрпримеров, утверждающих определенное положение дел, опровергают предшествующие теории. По признанию многих философов науки нашего времени, такое понимание знания слишком заужено, поскольку не включает в себя целый ряд иных широко распространенных видов знания, прежде всего, это касается знания-умения, know-how. Практическое знание, или знание-умение, не может быть верифицировано или фальсифицировано на основании фактов, оно обладает иной структурой. Оно телесно и направлено вовне, на достижение определенных целей с помощью тех или иных материальных средств (орудий труда). В его основе лежит принцип обратной связи, т. е. оно корректируется откликом той среды или того материала, на которые оно воздействует. Кроме того, практическое знание обладает выраженным коллективным характером, ведь потребности, на удовлетворение которых оно направлено, присущи в той или иной степени всем людям и в значительной мере сформированы общественными отношениями. Мы можем признать коллективный характер и пропозиционального знания. Так, «организованный скептицизм» Мертона указывает на коллективность. Но эта

коллективность предстает как собрание индивидов, каждый из которых наблюдает факты в одиночестве посредством собственных органов чувств, чтобы потом сообщить об этом другим членам коллектива («сверить показания»). Коллективный характер практического знания имеет иную природу. В этом случае коллективность обладает конститутивным значением, поскольку задает общие параметры практической деятельности.

В сегодняшней философии науки и междисциплинарных «исследованиях науки и техники» практическому знанию уделяется гораздо больше внимания, чем раньше. Возникают даже отдельные философские направления (например, «Стэнфордская школа философии науки», с которой связывают имена Нэнси Картрайт, Джона Дюпре, Питера Галисона, Яна Хакинга), утверждающие, что знание-умение лежит в основе научного знания и развития науки, что наука не столько познает, сколько создает (конструирует) реальность, наподобие того, как инженеры создают новые технические устройства, что наука имеет дело не с миром-как-он-есть-на-самом-деле, а с инструментально препарированной реальностью. Такой взгляд на науку во многом оправдан. Во-первых, он является нормальной реакцией на очевидные сейчас перекосы стандартной концепции в сторону индивидуализма и интеллектуализма. Во-вторых, он позволяет лучше понять действительное многообразие науки и ее вовлеченность в культуру (в частности, в материальную культуру), которые плохо вписывались в стандартную концепцию.

Для описания взгляда на науку как преимущественно на практику Эндрю Пикеринг ввел термин «перформативная идиома» (ПИ), которая должна заместить «репрезентационную идиому» (РИ) стандартной концепции [Pickering, 1995, p. 5–7]. Если РИ полагает, что научное знание отражает природу, то ПИ рассматривает науку как «поле сил, способностей и действий... материальных акторов» [Pickering, 1995, p. 7]. «Перформативный поворот», осуществленный исследованиями науки и техники, (STS), позволяет иначе взглянуть на проблему научного активизма. М. Каллон и Д. Маккензи распространяют идею перформативности (восходящую к лингвистической философии Джона Остина, к его анализу высказываний, которые равносильны осуществлению действия) на социологию познания. Например, Маккензи утверждает, что экономическая теория не описывает или объясняет механизмы рынка и иные экономические феномены, а создает их [MacKenzie, 2006]. Каллон считает, что так обстоит дело во всех прочих науках, включая и те, которые, на первый взгляд, объясняют мир из внешней позиции, как классическая механика. Любое, и в особенности научное знание разворачивается в форме социо-материальных практик, которые локальны [Callon, 1994] и включают в себя обязательную эмпирическую транспортировку научных утверждений

за пределы лаборатории в виде вещей и действий, которые репрезентируют эти утверждения и отсылают к ним. Изолированное от социо-материального окружения научное утверждение не имеет ни силы, ни значения. Парадоксально, но наука нуждается в обществе для самообоснования и для защиты своей автономии. Поэтому, с точки зрения сторонников идеи перформативности, наука неотделима от общества, политики, социальных ценностей и норм. Парадокс состоит не в том, что наука навязывает обществу свои коммуникативные стандарты, а в том, что те стандарты, которые наука выдает за «свои», на самом деле принадлежат обществу. Общество ожидает от науки выполнения определенных норм и правил (научного этоса) – непредвзятости, объективности и т. п., но общество также ожидает, что эпистемические стандарты и добродетели приведут к политическим последствиям, к улучшению общественного устройства. Общество навязывает ученым активизм, благодаря которому (а не вопреки) наука приобретает эпистемические добродетели. Очевидно, что даже общественный запрос на деполитизацию науки представляет собой форму общественной политики и имеет политические последствия.

С темой научного активизма тесно связан вопрос о том, можно ли считать науку общественным благом. По этому вопросу в последние десятилетия в STS развернулись дискуссии [Callon, 1994]. В перспективе ПИ знание-умение можно считать общественным благом, но сама концепция общественного блага при этом должна быть понята несколько иначе, чем в классической экономической теории. Поскольку знание-умение неотделимо ни от политики, ни от рыночных отношений, говорить о том, что оно избегает коммерциализации, не представляется возможным. Сторонники ПИ находят другое объяснение. Каллон утверждает: «Наука является общественным благом, но отнюдь не по причине своих внутренних качеств, а лишь потому, что она есть источник социального разнообразия и изменчивости» [Callon, 1994]. Подход еще одного сторонника ПИ, Ханса Раддера, скорее, нормативный. Раддер полагает, что любое научное знание (информационное, а также знание-умение) является общественным благом, когда удовлетворяет двум условиям: 1) оно неисчерпаемо и 2) оно отвечает общественным интересам [Radder, 2017].

Таким образом, мы можем заключить, что перформативная концепция науки снимает жесткую границу между знанием и действием, наукой и ценностями, что позволяет относительно непротиворечиво объединить научный активизм и научный этос на уровне теоретических рассуждений. Что же касается практики, то, как показывают Антоновский и Бараш, научный активизм и научный этос образуют вполне реальные фигуры взаимодействия.

Список литературы

Aronovitz, 1988 – *Aronowitz S. Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988. 384 p.

Ben-David, 1991 – *Ben-David J. Scientific Growth: Essays on the Social Organization and Ethos of Science*. Berkeley: Univ. of California Press, 1991. 591 p.

Callon, 1994 – *Callon M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture*, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // *Science, Technology and Human Values*. 1994. Vol. 19. No. 4. P. 395–424.

Clemens, Cook, 1999 – *Clemens ES, Cook J.M. Politics and Institutionalism: Explaining Durability and Change* // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25. P. 441–466.

Fischer, 2000 – *Fischer F. Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge*. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2000. 352 p.

Frickel, Moore, 2006 – *Frickel S., Moore K. Prospects and Challenges for a New Political Sociology of Science* // *The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power* / Ed. by Frickel S. and Moore K. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 2006. P. 3–31.

Hoffman, 1989 – *Hoffman L.M. The Politics of Knowledge: Activist Movements in Medicine and Planning*. Albany: State Univ. of N. Y. Press. 312 p.

Kasavin, 2015 – *Kasavin I.T. Philosophy of Science: Political Turn* // *Herald of Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 85. No. 6. P. 533–541.

Kleinman, 2000 – *Kleinman, D.L. (ed.). Science, Technology, and Democracy*. Albany: State Univ. of N. Y. Press, 2000. 184 p.

MacKenzie, 2006 – *MacKenzie D. An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets*. N. Y.:The MIT Press, 2006. 377 p.

Pickering, 1995 – *Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 296 p.

Radder, 2017 – *Radder H. Which Scientific Knowledge Is a Common Good?* // *Social Epistemology*. 2017. Vol. 31. No. 5. P. 431–450.

Star, 1996 – *Star S.L. (ed.). Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology*. Albany: State Univ. of N. Y. Press, 1996. 434 p.

References

Aronowitz, S. *Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 384 pp.

Ben-David, J. *Scientific Growth: Essays on the Social Organization and Ethos of Science*. Berkeley: University of California Press, 1991. 591 pp.

Callon, M. “Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993”, *Science, Technology and Human Values*, 1994, vol. 19, no. 4, pp. 395–424.

Clemens, E. S., Cook J. M. “Politics and Institutionalism: Explaining Durability and Change”, *Annual Review of Sociology*, 1999, vol. 25, pp. 441–466.

Fischer, F. *Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge*. Durham, NC: Duke University Press, 2000. 352 pp.

Frickel, S., Moore, K. “Prospects and Challenges for a New Political Sociology of Science”, in: S. Frickel and K. Moore (eds.). *The New Political Sociology of Science: Institutions, Networks, and Power*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006, pp. 3–31.

Hoffman, L. M. *The Politics of Knowledge: Activist Movements in Medicine and Planning*. Albany: State University of New York Press. 312 pp.

Kasavin, I. T. “Philosophy of Science: Political Turn”, *Herald of Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 85, no. 6, pp. 533–541.

Kleinman, D. L. (ed.). *Science, Technology, and Democracy*. Albany: State University of New York Press, 2000. 184 pp.

MacKenzie, D. *An Engine, Not a Camera. How Financial Models Shape Markets*. The MIT Press, 2006. 377 pp.

Pickering, A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 296 pp.

Radder, H. “Which Scientific Knowledge Is a Common Good?”, *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, no. 5, pp. 431–450.

Star, S. L., ed. *Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology*. Albany: State University of New York Press, 1996. 434 pp.